

местью, они старались теперь нанести смертельный удар победоносному противнику в самый центр его торгового могущества на Востоке, и поэтому предложили Палеологу свой союз для завоевания Константинополя. Их уполномоченные заключили с ним условие 13 марта 1261 г. в Нимфеоне в Лидии, по которому Генуя обязывалась содействовать своим флотом предприятиям греческого императора; за это Лигурийская республика получала полную свободу торговли в Ромейской империи и исключительное право водвориться в столице, как только она будет завоевана.

Таким образом Генуя стала в те же отношения к византийскому императору, в каких венецианцы находились со времени Алексея Комнена, а с этих пор они должны были быть исключены из торговли на Востоке и в Черном море. Поэтому именно поселение генуэзцев в Галате, предместье Константинополя, было одним из наиболее тяжелых ударов, какой только мог постигнуть Венецию.

Но раньше чем генуэзский флот показался в Геллеспонте, Константинополь пал благодаря удачной попытке греков. Ночью 25 июля 1261 года кесарь Алексей Мелиссенос Стратегопулос, военачальник императора Михаила, двинувшийся с войсками во Фракию, чтобы усмирить восставших эпиротов, всего только с 800 вифинских всадников и небольшим отрядом пехоты застиг врасплох благодаря счастливой случайности плохо охраняемый и почти безоружный город. Освобождение от франков столицы греческой империи, которой герои латинского Крестового похода могли овладеть только после страшной борьбы, было теперь делом нескольких часов. Смятение и распространенный вторгнувшимися пожар парализовали сопротивление франков, у которых не нашлось ни одного предводителя, который был бы в состоянии возбудить их мужество.

Латинский император Балдуин находился теперь в том же положении, как некогда беспомощный Алексей III; потеряв надежду